

Ольга КРАВЧУК (г.Симферополь Украина) **Пропавший без вести**



Был теплый осенний вечер, я как обычно сидела на скамейке у дома, перебирая ногами опавшие желтые листья. Вчера мне исполнилось семнадцать лет, и я чувствовала себя совершенно взрослой. Особого празднования мы не устраивали, пришли только родственники и, как это бывает, опрокинув несколько рюмок, шумно обсуждали события былых дней. Много из того, о чем они говорили, мне было непонятно и, правду сказать, я даже поверхностно не знала своего генеалогического древа, что мешало и слово вставить. Да, плохо... Решительно вскочив на ноги, я пошла в дом. В комоде в гостиной я с легкостью нашла то, что меня интересовало — альбом со старыми фотографиями. Пролистав несколько страниц, я нашла то, что искала — черно-белый пожелтевший изрядно потрепанный снимок откровенно плохого качества. Я аккуратно вынула его из тяжелого альбома и пошла к маме на кухню — узнать, кто этот молодой человек на фото.

Мама в приподнятом настроении готовила ужин, напевая под нос какую-то незнакомую мне песню. Сколько я себя помнила, она всегда возилась на кухне, наверное, мама провела здесь половину своей жизни. Я осторожно положила фотографию на стол.

— Мам, я хотела спросить, кто это на фото? — начала я.

— А откуда оно у тебя? — спросила она, кинув на фотокарточку удивленный взгляд.

— Достала из альбома. Не хотелось его сюда целиком тащить.

Мама вытерла руки о кухонное полотенце и, тяжело вздохнув, уселась напротив меня.

— Это мой дедушка, — задумчиво сказала она.

— Дедушка? — округлила я глаза.

— А что тебя удивляет?! У меня, как и у тебя, был дед, — будничным тоном проговорила мама.

— Да, но я своего дедушку знаю, а о твоём я никогда ничего не слышала.

— Потому и не слышала, что никогда не спрашивала.

— А кем он был? — не унималась я.

— Он был солдатом и во время военных действий пропал без вести, — недовольным тоном ответила она. — Положи фото на место, чтобы не потерялось.

— Пропал без вести, — пробурчала я себе под нос, засовывая фото обратно в громоздкий альбом.

Больше я у мамы ничего не спрашивала, ей, похоже, совсем не хотелось развивать эту тему. В девять вечера я, как обычно, улеглась спать и уже спустя несколько минут провалилась в крепкий сон. И... мне приснился мужчина с фотографии. Сначала его силуэт был размыт, но постепенно его образ становился все четче. Мужчина выглядел как на фото: высокий, худощавый, внешне приятный. Он не улыбался, скорее, был чем-то озабочен. А вот одет он был не как на фото — в потрепанную военную форму коричневого цвета: френч с четырьмя нашитыми карманами и лапами с застежкой для пуговиц был перехвачен ремнем. Воротник френча застегивался на пуговицу. Штаны были заправлены в сапоги, а на голову была нахлобучена каска, больше похожая на шляпу с развитыми полями. На каске гордо блестела кокарда.

— Ты — Бекки? — спросил он как-то настороженно.

— Да. А вы?

— Я — Нолан, — прервал он меня на полуслове. — Скажи мне — какой сейчас год?

— Тысяча девятьсот семьдесят пятый! — честно ответила я.

— Значит, уже прошло шестьдесят лет... — сказал Нолан, и вконец загрустил.

Я решила задавать вопросы очень осторожно. Но... у меня ничего не вышло. Тут же и выпалила:

— А что с вами произошло? Мама говорила, что вы пропали без вести?!

— Наверное, не знаю. Давай, я расскажу тебе, а ты сама решишь, — предложил он. —

Ты точно хочешь узнать? — он подозрительно нахмурил брови.

— Очень хочу! — незамедлительно выпалила я.

— В 1915 году у нас с Эшли родилась дочь, мы были очень счастливы... Но я был патриотом и шла Первая мировая война... Да. Знаешь, я не мог позволить, чтобы Британия воевала без меня, я посчитал своим долгом отправиться на поле боя. Эшли плакала, просила меня остаться...

Он помолчал немного, растерянно улыбнулся.

— Нас отправили в Турцию. Там уже давно шли бои. Мы были втянуты в сомнительную Дарданелльскую операцию. Нет, идея была, конечно, хороша — захватить пролив Дарданеллы и Босфор, чтобы вывести из войны Турцию, которая приняла сторону Германии. Но турки на нашу беду оказались хорошими воинами. Все сразу пошло наперекосяк, большое количество солдат погибло, наши войска постепенно сдавали позиции. Но англичане настырны, не так ли? И вот по всему британскому миру стали срочно формировать новые боевые соединения. Заткнуть дыру решили и нашим полком в том числе. Да, Норфолкский полк — это, знаешь ли...

— Не знаю, — быстро вставила я.

— Ну конечно, — обиженно сказал прадед, — где тебе... В наш полк набирали местное ополчение и добровольцев. Да, brave ребята, скажу я тебе. И я среди них. А Эшли так и не смогла простить мне то, что я оставил её одну с малюткой на руках...

Он опять помолчал. Я уж старалась не перебивать, чтобы он опять не начал про Эшли и малютку. Мне гораздо интересней было услышать про другое. Про Дарданеллы. Где это — я представляла довольно четко. И теперь смотрела на своего молодого прадеда во все глаза. Ну же, ну, продолжай, давай...

— Нам выдали оружие, одели нас в красивую военную форму, я был просто счастлив. Мы выступили в Галлиполи в конце июля. Ты знаешь, где это? Это полуостров в Турции. Там же, где Дарданеллы. Мы долго плыли на самоходном десантном лихтере в сопровождении трех крейсеров. Мы шли с маленькой скоростью, было жарко и весело, хотя у меня и разыгралась морская болезнь. А я раньше и не подозревал о ее существовании. Большую часть времени я проводил на палубе. Почти у всех было отличное настроение, мы были полны оптимизма и в любой момент готовы были ринуться в бой. И вот мы подошли к долгожданным пляжам. Поднятая носовая часть лихтера позволяла подходить очень близко к берегу... Из прорезей в бортах были опущены трапы и деревянные лестницы, мы благополучно сошли в шаланды и высадились на вражеский берег в бухте Сулва. Было это в начале августа.

Ступив на горячий песок, я судорожно сжимал рукой карабин с примкнутым штыком. Было очень жарко, ветра почти не было. Ах, Бекки, Бекки, ты не знаешь, куда сразу подевался мой оптимизм? Весь пляж был завален телами убитых англичан, от приторного трупного зловония к горлу подступала тошнота. Из песка выглядывали руки, ноги и лица погибших. Я осторожно ступал по зыбкой поверхности, стараясь не наступать на останки. Недалеко от берега было высохшее соленое озеро, оно противно блестело на солнце коркой застывших кристаллов. Сразу за пляжем начиналось поле сражения. Представь равнину, окаймленную цепочкой холмов, из-за чего она превращалась в огромную грозную арену.

А потом по команде мы побежали к траншеям. С полной боевой выкладкой. В страшную жару. Падая и поднимаясь с песка. Мы, надрывно дыша, добежали до траншей, которые больше напоминал душегубку. В глаза летела пыль, а невдалеке клубились огромные зеленые мухи. Они клубились над ямой, куда сбрасывали трупы и отходы. Как противно они жужжали! Знаешь, Бекки, половина солдат не погибла, а умерла от распространившейся дизентерии. Голова кружилась, я постоянно пил пресную воду и уже не было сил смотреть на жестяные банки с противной едой.

Тогда я поблагодарил судьбу за то, что перед самым отплытием наши коричневые матерчатые фуражки, входящие в униформу, заменили вот этими смешными касками. Видишь, они напоминают блюдо, и мы окрестили их «мисками». Удобная вещь для защиты плеч от осколков...

Я пока еще верил в то, что наша атака будет удачной, что я вскоре вернусь домой к Эшли и малютке. Конечно, я понемногу начинал жалеть, что пошел в добровольцы, но пути назад уже не было. У меня был друг, он погиб в небе. Он был летчиком и сам

сбрасывал с самолета бомбы. Ну вот, что-то пошло не так и одна взорвалась прямо в его руках... Но я-то был на земле и чувствовал себя в большей безопасности. И у меня были карабин, ручная граната и кинжал.

Солдаты были как-то странно настроены по отношению к врагу, казалось, они непостижимым образом сблизились. Многие наотрез отказывались надевать шлемы, защищающие от газовых атак. Они были похожи на фланелевые мешки с отверстиями для глаз и очками из стекла. Нижний край шлема должен был заправляться под френч и затягиваться около шеи, защищая от хлора. Солдаты были уверены, что турки не станут их травить, но я всегда держал шлем возле себя. Но газовых атак так и не было.

И вот, наконец, получен приказ — начать наступление в четыре часа дня. Был прекрасный ясный день, над головой ни облачка, дул легкий ветерок, но и от него было дурно. По расчетам командира именно в это время солнце должно было более всего ослеплять турок, мы же, как предполагалось, в вечерних лучах будем отлично видеть противника. Последовала предварительная мощная артиллерийская атака. Но оказалось, что цели она практически не достигла — урона противник почти не понес. Была плохая связь и никак не удавалось точно установить цели, мы фактически стреляли вслепую. У нас не было опыта участия в военных действиях и большая часть вновь прибывших солдат пала на поле боя. Было ужасной ошибкой атаковать противника при свете дня на открытой местности.

Нолан опять замолчал. Наверное, этот текст он проговаривал уже не раз — кому-нибудь или самому себе — но от повторения ему легче не становилось. Он смотрел на меня, но я совсем не была уверена, что он меня видел в этот момент. Я не прерывала его жуткие воспоминания. И вот заговорил снова.

— Мы не ожидали, что вражеские силы настолько превосходят наши. За считанные часы земля у меня под ногами пропиталась кровью моих соотечественников. Напряжение нарастало, у многих сдавали нервы, мне невыносимо хотелось пить, но я боялся даже на секунду отвлечься от цели. Левой рукой я дотронулся до висевшей на ремне фляги с водой, и уже от этого становилось легче. Кто-то рядом шептал: «Проклятый Дарданелл, он станет нашей могилой! Мы все обречены!», но ему никто не ответил. Казалось невозможным в таких адских условиях пересечь местность, мы стали открытой мишенью, но командир не желал сдаваться. Мы продолжали наступать.

Взбудораженные боем, оглушенные взрывами, мы не сразу заметили, как в нескольких метрах от нас опустился густой серебристый туман. Мы понемногу приходили в себя, продолжая движение. Выстрелы с нашей стороны постепенно стали стихать. Я оглянулся, артиллеристы-наводчики прикрывали лицо руками, словно их что-то ослепляло, не давая обеспечить нам должную поддержку. Командир отдал приказ не останавливаться. И вот первые солдаты стали исчезать в этом странном тумане. Я без малейших колебаний последовал за ними. Сделав несколько шагов вперед, я словно слился с плотной серой массой. Тело перестало ощущаться, ничего не было видно и слышно. Я все шел вперед, но туман не кончался, растянувшись вокруг бесконечной непроходимой пеленой. Вечный туман...

С тех пор мы блуждаем в этом тумане в поисках выхода, но все тщетно. Несколько десятков солдат как-то умудрились все же из него выбраться, но назад за нами никто из них так и не вернулся. Мы навсегда застряли в тумане...

— Теперь понятно, почему мама сказала, что вы пропали без вести, — с озадаченным видом сказала я.

— Без вести? Нас что, не ищут? — внезапно возмутился он.

— Я слышала легенду о норфолкском полке. Вас искали долгое время. Говорили, что вы вошли в странный внезапно опустившийся туман, что ни один человек из него так и не вышел. Когда туман рассеялся, то оказалось, что весь отряд исчез, — объяснила я, почему-то чувствуя себя несколько виноватой.

— Но мы не исчезли, мы же здесь, мы просто никак не можем выбраться! — крикнул Нолан, но тут его образ начал таять, испаряться в странном тумане.

Когда ленивое осеннее солнце заглянуло ко мне в окно, я нехотя приоткрыла тяжелые веки. У меня безумно болела голова, и резало глаза как от яркого света. Почти сразу я

вспомнила свой странный ночной кошмар, навеянный разговором с мамой о её исчезнувшем дедушке

А может это был вовсе и не сон?